



КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

в историографии сегодняшнего дня

**Сборник
материалов
конференции**

Санкт-Петербург, 2024

В. В. Калашников

**Первая мировая война как результат «восстания масс»
(Критика концепции В. П. Булдакова)**

Представленная статья продолжает цикл критических статей автора, посвященных анализу XI тома двадцатитомной «Истории России»¹. Она является продолжением статьи «Великая Российская революция как иррациональный бунт "охлоса"», помещенной в этом же сборнике. В этой первой статье дан анализ ряда общих проблем методологического и историографического характера, связанных с концепцией революции, которая положена в основу всего XI тома его редактором и основным автором — главным научным сотрудником ИРИ РАН В. П. Булдаковым. В частности, показано, что его можно считать создателем своего рода *иррациональной парадигмы* в трактовке истории мировой войны и революции, в рамках которой при объяснении ключевых событий акцент делается на фактор «бессознательного», на «психопатологические настроения масс». На основе этой парадигмы Булдаков создал концепцию Русской революции как бунта «охлоса»².

Эта статья содержит критический анализ той трактовки *причин* Первой мировой войны и *причин* участия в ней России, которая дана Булдаковым в первой книге XI тома, охватывающей период 1914–1916 гг. Важность этого вопроса для понимания истории Русской революции очевидна: трактовка причин мировой войны самым существенным образом влияет на трактовку причин и результатов Русской революции. В наиболее концентрированном виде свою позицию Булдаков изложил во вводном разделе с названием «У истоков мирового кризиса: геополитика и массы» в первой книге тома, а также в «Заключении» ко всему XI тому в целом. Эти разделы написаны им единолично.

Суть позиции. Автор отвергает традиционную интерпретацию причин войны как результата мирового соперничества великих держав и называет ее хрестоматийной «*истиной*» (в кавычках — В. К.), продиктованной «ментальностью XIX в., игнорировавшей изменения в массовой психологии»³.

¹ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. В 2х книгах. М.: Наука, 2024. Далее сноски оформлены по шаблону: Т. 11. Кн. 1 и Т. 11. Кн. 2.

² Калашников В. В. Великая Российская революция как иррациональный бунт охлоса // Настоящий сборник. С. 162–180.

³ Т. 11. Кн. 1. С. 6.

В силу этой устаревшей ментальности, по мнению Булдакова, его предшественники якобы постоянно находились в состоянии «непреодоляемого недоумения», которое «периодически пронизывалось легковесными "открытиями"»⁴. Отметим кавычки и в слове «открытия». Их смысл: предшественники Булдакова не были способны ни на какие настоящие открытия, даже на легковесные. Высокомерное отношение к предшественникам – характерная черта позиции Булдакова. Причины мировой войны, полагает В. П. Булдаков, «следовало искать в иной – культурно-антропологической – плоскости, не игнорируя область бессознательного»⁵. Эта область для Булдакова приоритетна: «Чтобы понять прошлое, мало скользить по поверхности *высокой* культуры, важно проникнуть в *глубинный слой* прежних верований и скрытых страстей»⁶.

Суть культурно-антропологического подхода историк видит в «социальных инстинктах» – в основном во врожденной агрессивности обычного человека, которая усиливается в определенной ситуации («демографический перегрев», «молодежный бугор» и т. п.): «Представляется, что события войны и революции были заложены в глубинах человеческой психики с его старыми как мир, социальными инстинктами, которые информационный "прогресс" превратил в агрегированную *агрессивность*»⁷.

В последней фразе отражена не только основная черта методологии автора (акцент на иррациональный фактор, на область «бессознательного»), но и его взгляд на основную причину мировой войны – «агрегированная *агрессивность*» масс. Предшественники, считает Булдаков, этот фактор игнорировали: «Вглядеться в глубинные причины невиданной "перетряски" мира мешал позитивистско-рационалистический образ мысли»⁸. И действительно, практически все крупные историки при анализе причин первой мировой войны (хотя и учитывали весь комплекс исторических и культурных факторов, которые способствовали ее развязыванию) главный акцент делали на конкретные и вполне рациональные причины глобального соперничества великих держав, которое проходило на рубеже XX в. в эпоху, названную еще тогда эпохой «империализма» (Д. Гобсон, 1902). Этот «позитивистско-рационалистический» подход опирался на детально изученную конкретную историю развития мирового конфликта.

⁴ Т. 11. Кн. 1. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 731.

⁸ Т. 11. Кн. 1. С. 11–12.

Однако В. П. Булдакову такая трактовка казалась недостаточной, и он формулирует тезис о том, что причиной мировой войны стала *бессознательная агрессивность* масс, которая якобы и толкнула политиков всей Европы на мировую бойню: «...В XX веке к роковой черте правителей стали подталкивать сами массы, точнее та социально неудовлетворенная их часть, которая связывала ...победу над внешним врагом с разрешением своих внутренних проблем». И далее он поясняет причины такого поведения масс с выделением двух факторов: информационная революция и интенсивное «классообразование», т. е., видимо, формирование новой классовой структуры в рамках индустриального развития. «Информационная революция, – утверждает историк, – в условиях интенсивного классового образования привела к тому, что в Европе *массы* стали психологически «управлять» правительствами, а не наоборот». И еще: «*массами* овладела идея тотального передела мира»⁹. Вина возлагается и на «агрессивных партийных лидеров» из числа радикалов, которые потеснили «неторопливую правительственную бюрократию» и заговорили «голосом нетерпеливых масс». Этому помогли «безответственные mass media, заговорившие языком утопистов и экстремалов». Позднее эта картина, отмечает автор, была названа «восстанием масс»¹⁰.

Термин «восстание масс» Булдаков берет из весьма своеобразной теории испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, «разочаровавшегося республиканца», который в 1930-е гг. не мог найти себе места между коммунистами и франкистами. Он предложил рассматривать борьбу классов в Европе как иррациональное внеклассовое «восстание масс», причисляя к «массам» тех, «кто плывет по течению и лишён ориентиров»¹¹. Восстали эти «массы» – кто бы мог подумать – от сытой жизни: она разрушала классовые перегородки, превращая людей в «массу». Правящим элитам Европы, которую в 1920-е – 1930-е гг. сотрясали классовые конфликты, включая такие острые, как Гражданская война в Испании, идея испанского философа показалась полезной, и ее стали пропагандировать. После 1991 г. «полезность» идеи оценили и идеологи «ельциновской» России. Принял ее на вооружение и Булдаков: от концепции иррационального внеклассового «восстания масс» до трактовки рабоче-крестьянской революции в России как бунта «охлоса» – рукой подать. При помощи этой теории он попытался объяснить и причины агрессивности масс, которая

⁹ Т. 11. Кн. 1. С. 733.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 67.

якобы стала причиной мировой войны. Таким образом, историк уложил тезис о «восстании масс» в рамки своего понимания культурно-антропологического подхода. С таких позиций Булдаков обругал всех европейских социалистов за то, что они «с упорством, достойным лучшего применения, зауживали этот культурно-антропологический феномен («восстание масс» – В. К.) пресловутой "борьбой классов"»¹². Указать на «несостоятельность» классового подхода («пресловутую» борьбу классов) для Булдакова – особое удовольствие, несмотря на очевидную нелепость игнорирования фактора классовой борьбы в условиях революции. Отрицание классовой борьбы в истории Русской революции – самая что ни на есть *классовая* позиция, и самая что ни на есть *нелепая*.

Акцент на антропологическую агрессивность масс Булдаков дополняет концепцией «столкновения культур» на глобальном (общеевропейском) и на «внутринациональном» уровнях. Автор упрекает своих предшественников в непонимании важности этого фактора: «Беда идеологов и политиков старого склада состояла в том, что они не замечали перспективы «столкновения культур», связанного не только с процессами глобализации, но и *внутринационального* раскола»¹³.

Отсутствие аргументов. Общая особенность XI тома состоит в том, что после формулировки своих радикальных «новаций» Булдаков не предоставляет никаких внятных доказательств в их пользу, поскольку нельзя считать доказательствами ссылки на мнения людей, известных и не очень, которые высказывают такие же взгляды, как и он. В данном случае речь идет об отказе обосновать свои взгляды на причины мировой войны конкретным историческим материалом. Очевидно, что историк был обязан показать, в чем конкретно проявилась агрессивность масс накануне мировой войны, посредством каких средств они влияли на политику правителей в разных странах и, прежде всего, в России, как массы толкали правителей к войне. Однако эти задачи даже не поставлены. Иными словами, Булдаков предлагает читателю *на слово* поверить в то, что русский рабочий или русский крестьянин, или какая-либо существенная часть этих классов *«психологически управляли»* царским правительством, *толкали* царя на мировую войну и связывали с ней решение своих внутренних проблем. Нет доказательств и того, что рабочие и крестьяне других стран Европы толкали своих правителей на войну с соседями. В мировой исто-

¹² Т. 11. Кн. 1. С. 14.

¹³ Там же. С. 7.

риографии давно доказано иное: шовинистические настроения в предвоенной Европе создавались идеологическими институтами по команде *сверху*. Именно правители готовили народы к мировой войне.

Любопытно отметить, что среди десятков различных цитат, отражающих взгляды современников на причины войны, Булдаков привел ряд материалов, которые опровергали его построения, но уклонился от их оценки. Например, он приводит цитату из книги известного немецкого журналиста Эмиля Людвига: «повсюду низшие классы боялись войны и боролись с ней до последнего дня. Напротив, кабинеты ... и штабы ... министры, генералы, адмиралы, поставщики военного материала, редакторы, подгоняемые честолюбием и страхом, неспособностью и жадной наживы, гнали массы вперед»¹⁴.

Таких свидетельств можно привести много. В силу их множества и достоверности в мировой историографии уже 100 лет доминирует тезис о том, что ответственность за первую мировую войну несут правители, а не народы. Булдаков переворачивает этот тезис, но свою позицию приводит лишь в форме недоказанного постулата. Может быть аргументы приведены в других разделах тома, и все дело только в неудачной компоновке материала? Нет, другие разделы тома таких аргументов также не содержат.

Более того, второй раздел Введения содержит текст, который прямо опровергает позицию Булдакова. Его соавторы ссылаются на книгу известного историка С. В. Тютюкина «Война, мир, революция»¹⁵, написанную еще в советский период, и на более поздние его работы и соглашаются с трактовкой С. В. Тютюкиным вопроса об отношении рабочих и крестьян России к мировой войне: «По мнению автора (совпадающему с более поздними выводами исследователей при анализе настроений в Германии и Австро-Венгрии¹⁶), основная масса крестьян и рабочих восприняла войну

¹⁴ Т. 11. Кн. 1. С. 13. См.: Людвиг Э. Июль 1914 г. (перевод с немец.) Рига, 1929. С. 5. Автор – всемирно известный немецкий журналист, в годы войны – корреспондент в Вене и в Стамбуле. Встречался со многими ведущими политиками. В декабре 1931 г. стал первым зарубежным журналистом, который получил интервью у И. В. Сталина.

¹⁵ Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении в России. 1914–1917 гг. М., 1972.

¹⁶ См.: Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; L., 1995; Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008; Миронов В. В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.

"как страшное стихийное бедствие"¹⁷. Война явилась для них шокирующей неожиданностью и вызвала чувства страха и тревоги¹⁸. Между тем, российская власть ожидала от своих подданных безоговорочной и бескорыстной *жертвы*. Это было поистине роковым заблуждением, связанным с остаточными имперско-патерналистскими иллюзиями¹⁹. Таким образом, соавторы Булдакова просто перечеркнули его тезис об агрессивности масс как причине мировой войны, сославшись не только на С. В. Тютюкина, но и на целый ряд новейших работ, посвященных анализу настроений простых людей в Германии и Австро-Венгрии. Но Булдаков этого противоречия не заметил.

«Столкновение культур». Не сумев подтвердить тезис об «агрессивности масс», якобы толкнувших правительства на мировую войну, Булдаков не смог обосновать причины войны и при помощи тезиса о «столкновении культур» как на глобальном, так и на внутринациональном уровнях. Следует отметить, что автор, говоря о столкновении культур на глобальном уровне, не трактует его как тезис о конфликте цивилизаций, весьма популярный в околонучной имперской и монархической историографии. Не делает он этого потому, что, несмотря на популярность, за многие десятилетия никому не удалось хоть сколь-нибудь убедительно его обосновать, поскольку фактическая история первой мировой войны ему прямо противоречит. И действительно, всем известно, что в ходе этой войны православная Россия воевала в союзе с католической Францией и англиканской Великобританией. Врагами христианской Антанты были мусульманская Турция и преимущественно католическая Австро-Венгрия, которая в союзе с православной Болгарией воевала против православной Сербии и православной Румынии, а затеял войну король лютеранской Пруссии и император мультиконфессиональной Германской империи Вильгельм II, который весьма своеобразно определил «цивилизационную» суть мировой войны как конфликт двух рас — *романо-славянской* (!) и германской. Выявить в этом «вавилонском столпотворении» какой-либо значимый цивилизационный или религиозный фактор и представить его хотя бы важной, если не основной, причиной войны еще никому не удавалось.

¹⁷ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

¹⁸ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. P. 259.

¹⁹ Т. 11. Кн. 1. С. 34.

Столкнувшись с трудностью обоснования цивилизационного раскола как причины войны, Булдаков делает акцент не на столкновении «цивилизаций», а на столкновении «культур», вкладывая особое содержание в термин «культура». Он говорит о «войне культур – как способных к интенсивной модернизации под воздействием экстремальных условий, так и слабеющих под грузом "непреодолимых" обстоятельств»²⁰. Версия – так себе, слабенькая. Во-первых, потому, что она не объясняет причин начала войны, а именно эта задача стоит как исходная и первостепенная. Во-вторых, потому, что она не объясняет поражение Германии, которая проявила в годы войны максимальную способность «к интенсивной модернизации под воздействием экстремальных условий». С другой стороны, поражение царской России так объяснить можно. Однако возникает вопрос: зачем надо было оценивать степень экономической и социально-политической готовности разных государств к мировой войне и причины поражения России через категорию «культура»? Ответ очевиден: для того, чтобы замаскировать ту основную причину, по которой Россия первой вышла из войны. Эта причина – острота классовых противоречий накануне военного кризиса, которые со временем привели к революции и к сепаратному миру. И действительно, Россия была единственной страной, в столице которой накануне мировой войны летом 1914 г. рабочие строили баррикады. А в феврале 1917 г. Россия стала первой страной, в столице которой вместе с лозунгом «Хлеба» рабочие выдвинули лозунг «Долой войну». Однако признать тот факт, что причину поражения России в мировой войне надо искать в классовых противоречиях, Булдаков не может. Как уже говорилось, для него «пресловутый классовый подход» – табу. Ведь с самого начала 1990-х гг. правые западные историки, такие как Р. Пайпс, убеждали российских коллег в том, что причины Русской революции надо искать в чем угодно, но только не в классовых конфликтах. В этом отношении Булдаков – верный ученик Пайпса. В его трактовке Русская революция – не борьба классов, а бунт «охлоса» или иррациональное внеклассовое «восстание масс». В тексте XI тома автор не использует словосочетания «борьба классов» или «классовая борьба» для объяснения событий Русской революции. Не хочет он видеть классовые корни и в причинах первой мировой войны.

Теория империализма. И на этом моменте следует остановиться особо. Классовый подход опасен: он заставляет обратиться к теории импери-

²⁰ Т. 11. Кн. 1. С. 15.

ализма как к методологическому инструменту для объяснения причин мировой войны, общеевропейской революционной ситуации и серии революций: в России, Австро-Венгрии и Германии. Булдаков о теории империализма говорит в привычной манере передергивания и ерничества: «С незапамятных времен принято считать, что деньги – это кровь войны. В век «финансового капитала» такое представление породило *подозрение*: именно капитал развязал войну, именно его ожидает крах. Под видом марксистского "прозрения" проблема оказалась *мистифицирована*»²¹. Понятно, что никаких внятных разъяснений по поводу «мистификации» не поступило. Теория империализма – тоже табу, которое утвердилось в постсоветской историографии хотя и далеко не сразу. Пока был жив академик Ю. А. Поляков теория империализма в академических трудах не отрицалась. В 2002 году вышла коллективная монография «Первая мировая война» с предисловием Ю. А. Полякова, который в лучших традициях мировой историографии писал, что «мировые войны сконцентрировали в своем происхождении узловые противоречия экономики, политики, социальной обстановки» и трактовал эти противоречия в рамках рациональной парадигмы²². В этой монографии содержалось, пожалуй, последнее крупное исследование проблем применения теории империализма в мировой историографии первой мировой войны. Его сделал Б. М. Туполев, один из крупных специалистов по проблеме в ИВИ РАН. Он назвал проблему империализма «*центральным моментом* международного дискурса, имеющим общетеоретическое значение». Анализ отечественной и западной историографии привел ученого к выводу о «*непреходящей* и даже неуклонно возрастающей актуальности изучения феномена империализма – ведущей тенденции развития индустриального общества на рубеже XIX–XX веков»²³. И это так. Другое дело, что важность этого дискурса не всегда просто заметить: и на Западе, и в постсоветской России ученые вынуждены принимать меры к тому, чтобы их не обвинили в симпатиях к марксизму. Тем не менее, время от времени принятые правила игры нарушаются.

Как бы там ни было, к 2014 г. теория империализма перестала упоминаться в трудах ИРИ РАН, и появились весьма экзотические трактовки роли царской России в развязывании мировой войны и ее характера («Вторая Отечественная война», «оборонительная с самого начала»). Отзвук этих трактовок есть и в XI томе. Впрочем, это емкий и деликатный вопрос, ко-

²¹ Т. 11. Кн. 1. С. 11.

²² Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 9.

²³ Там же. С. 28, 33.

торый не стоит рассматривать походя. Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что отказ от признания империалистического характера первой мировой войны закрывает возможность научной трактовки истории Русской революции.

Завершая краткий критический анализ трактовки Булдаковым причин мировой войны, отметим, что целый ряд разделов первой книги XI тома написан соавторами Булдакова в русле рациональной парадигмы и содержит богатый фактический материал. К ним нет особых претензий, или они вполне укладываются в рамки нормальных научных споров. Впрочем, можно сделать соавторам и общий упрек: они не смогли отказаться от предвзятой трактовки советской историографии, которой пронизан весь XI том. Этот критиканский настрой порой заводит их в неприятную ситуацию. Приведем только один пример: «В Советской России в 1918–1932 гг., – пишут три соавтора в историографическом очерке, – предпочитали писать о "первой империалистической" или просто "империалистической" войне. Лишь с 1939 г. заговорили о «первой мировой войне», это понятие окончательно закрепилось в 1954 г.»²⁴. Весь этот пассаж был нужен для того, чтобы доказать, что советские историки не понимали «масштабности» войны. Трудно понять, зачем нужен такой нелепый упрек.

Для справки: под империалистической войной 1914–1918 гг. советские историки всегда понимали мировую войну – результат перехода мирового капитализма в высшую стадию, для которой характерна борьба за передел мира. Другого понимания войны 1914–1918 гг. теория империализма не допускала. Термин «мировая война» наряду с термином «империалистическая война», «европейская война», уже в 1920-е гг. употреблялся во многих работах, в том числе и в названиях²⁵. Так, в 1926 г. Центрархив выпустил сборник «Царская Россия в мировой войне», а в 1928 г. М. Н. Покровский издал сборник «Империалистическая война», где центральной была статья «Как возникла мировая война». Утверждение о том, что понятие «мировая война» закрепилось только в 1954 г., т. е. после смерти Сталина, звучит курьезно, ибо именно Сталин утвердил в «Кратком курсе» формулу: «Война стала мировой» (1938). Таким образом, советские историки не делали ошибки в понимании «масштабности» войны. Кроме того, их формула «империалистическая война» была более правильной, поскольку отражала *характер* войны, а многие западные исто-

²⁴ Т.11. Кн. 1. С. 19.

²⁵ См., например: Зайончковский А. М. Подготовка России к Мировой войне. Л., 1926; Его же. Мировая война. Л., 1929.

рики предпочитали этого не делать: нейтральный термин «мировая война» не подчеркивает ее суть как империалистической. Читая такие нелепости, испытываешь чувство обиды за ИРИ РАН и удивление: как такая книга могла появиться в рамках важнейшего государственного проекта?

Вывод: в XI томе Булдаков выдвинул версию об «агрессивности масс», считая ее причиной мировой войны. На наш взгляд, версия является, более чем нелепой. Особенно применительно к России. Во всяком случае, она остается недоказанной аргументами, которые можно считать научными.